

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

УГОЛОВНЫЙ

шкаф

МОСКВА

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 1994 году

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Уголовный шкаф / Николай Леонов, Алексей
Макеев. — Москва : Издательство «Э», 2016. —
288 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-699-89399-7

Актриса Виола Палеева на седьмом небе от счастья: в антикварном магазине она приобрела шкаф конца XVIII века, принадлежавший купчихе Брыкаловой. Однако радость от покупки быстро сменилась разочарованием и ужасом. Сначала в квартире актрисы проник вор, и только по случайности Виола не стала жертвой нападения. Потом в мебельной мастерской, куда отвезли шкаф для реставрации, нашли труп мужчины. А на строительной площадке, где шла подготовка к сносу дома купчихи, покалечились и погибли рабочие. А ведь кровавая надпись на стене этого дома предупреждала: «Коснешься ты, и смерть коснется тебя». Неужели и вправду покойная барыня мстит за разоренное гнездо? Но полковник Гуров, ведущий расследование, не верит в мистику. Он ищет не бесплотные привидения, а кроважанных отморожков, готовых ради денег на все.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонова О.М., 2016

© Макеев А., 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89399-7

ГЛАВА 1

Над строительной площадкой в подмосковном Горчакове повисла неприятная, гнетущая тишина. Не работали экскаваторы, замер на месте бульдозер, замолчал компрессор. Рабочие сидели кучками на складированных сваях, на лавке возле вагончика и курили уже по пятой сигарете.

Комиссия приехала через два часа. Про- раб, Олег Иванович Борисов, крупный мужчина с густыми темными волосами, сидел на лавке возле вагончика и смотрел пустым взглядом в сторону трех старых домов, которые должны были снести на этой неделе и продлить строительную площадку. За двадцать два года работы в строительстве у Борисова бывало всякое, включая и несчастные случаи, но чтобы вот так.

Состав комиссии был впечатляющим: заместитель генерального директора, заместитель директора по персоналу, начальник юридического отдела. Борисов посмотрел в сторону прибывших, покачал головой и стал смотреть в другую сторону. Представители

администрации медленно покидали микроавтобус, о чем-то переговаривались и постоянно осматривались по сторонам. Как будто намеревались тут же, с ходу, найти еще массу недостатков в работе прораба, возможно и вопиющих нарушений.

Гибель рабочего на производстве — это происшествие, которому оправданий, как правило, не находится. Даже если погибший был разгильдяем, алкоголиком или еще имел какие-то личные недостатки, то все равно виноват руководитель, который эти недостатки не учел, который поставил этого человека на это рабочее место, не проконтролировал и так далее, и тому подобное. Иными словами, куда ты сам-то глядел?

— Эх, Олег Иванович, — заместитель генерального вздохнул и сокрушенно покачал головой, — куда ты сам-то глядел. Жалко парня, мог из него и толк выйти.

— Что, не довезли? — поинтересовалась дородная тетка — заместитель директора по персоналу. — Эх, Борисов, как же ты так-то? Умер ведь парень прямо в машине.

— Да что вы из меня жилы тянете теперь! — взорвался прораб и вскочил на ноги.

Он заметался возле вагончика, как тигр в клетке, не зная, куда деться от всего этого кошмара, потом сник и снова опустился на лавку. Метаться можно до бесконечности, а поправить уже ничего нельзя. Сейчас начнут

опрашивать всех рабочих, мастеров. Кто, как, когда. И какого черта вдруг рубильник оказался закрытым деревянным щитом? И почему оголенные провода лежали просто так возле составленного у стены инструмента? Борисов и сам не мог ответить на этот вопрос. Такого просто не могло быть, но такое произошло. Мистика какая-то. Или, что скорее, кто-то захотел его подставить. Если подумать, то можно предположить, кто из рабочих, затаив обиду на строгого прораба, мог такое подстроить. Но ведь человек же погиб из-за этого!

И уж совсем уныло стало на душе Борисова, когда на площадку приехала молоденькая светловолосая следователь с погонями лейтенанта. И оттого, что она такая молоденькая, свеженькая и совсем непохожая на следователя, и оттого, что она так старательно делала строгое лицо, хмурила бровки и распорядилась, становилось совсем мутно.

— Скажите, Олег Иванович, — строгим голосом спрашивала следователь, — кто велел закрыть электрический рубильник деревянным щитом?

— Никто не велел, — сдерживая раздражение, ответил прораб. — Кто же мог велеть, если это вообще запрещено. Рубильник должен быть свободен от любых посторонних предметов и оборудования. К нему должен быть

свободный доступ. И всегда иметься наготове табличка «Не включать, работают люди».

— Тогда почему же он оказался закрытым? И в результате погиб человек.

Вопрос девушка задала таким тоном, как будто ответ был очевиден, задавать этот идиотский вопрос она была вынуждена, но это ей так неприятно. Ведь все очевидно. И Борисов снова сорвался. Он не кричал, не бегал по вагончику, в котором его допрашивала эта инфантильная следователь. Он скрипнул зубами и жестко, рублеными фразами стал говорить этой молоденькой, смазливой, неопытной ни в профессии, ни в жизни девушке.

— Это несчастный случай, а не чей-то преступный приказ! — рубил воздух словами Борисов. — Есть инструкция, ее все знают. И то, что произошло, — это не умысел. Погибший не был министром или генеральным директором, его незачем убивать умышленно, понимаете. Он был обычным работягой! Это несчастный случай. Это вообще мистика, если хотите. Мне вон одного прорицателя хватает!

— Какого прорицателя? — ухватила за эти слова следователь.

— Я вам скажу, только вы не смотрите на меня как на больного, — угрюмо отозвался прораб, глядя в стол. — Старик тут ходит из местных. В рабочее время ходит и не дальше охраны у ворот. Сторожа его знают. Он все

вещает, что место это проклятое, что трогать тут ничего нельзя. Снести нельзя, а то беда будет.

— Так-так! — быстро начала писать на своем листке следователь.

Выражение ее лица сделалось таким, как будто она наконец ухватила удачу за хвост и все расследование теперь сведется к простой формальности. Только записать, арестовать, и дело закончено. Борисов смотрел на девушку, понимая, что сболтнул лишнее, но молчать теперь было нельзя и он стал рассказывать дальше.

— А по ночам сторожей здесь пугает привидение. Это вы тоже запишите. И допросите их, они вам расскажут. А еще на стене в одной из квартир дома, который мы снесли два дня назад, надпись появилась. Кровью! И ее видели десятки людей. Рабочие специально бегали смотреть в обеденный перерыв.

— Так-так, фамилии, пожалуйста. Кто видел эту надпись?

— Твою мать! — шепотом ругнулся Борисов и снова обреченно опустил голову.

Мария озабоченно крутила головой и не замечала, что молодой рыжеволосый таксист поглядывает на нее с загадочной улыбкой.

— Вон там, мне кажется, направо. — Мария протянула руку.

— Да, знаю я, знаю, где этот ваш «Раритет» находится. — Водитель заулыбался, разогнав по лицу все свои задорные веснушки. — Место известное!

— Да? — удивилась Мария. — Что, такой известный магазин?

— А то! — снова расплылся в довольной улыбке водитель, сворачивая на перекрестке. — У них там стабильно раз в квартал в начале первого месяца обновление. Я туда столько экспертов перевозил, сколько их и в Москве не живет.

— Ну ладно, — успокоилась Мария и снова посмотрела на часы.

Подруга была обидчивой, когда дело касалось ее увлечений и непонимания этих увлечений окружающими. Особенно близкими подругами.

— А я вас знаю! — заявил наконец водитель. — Вы Мария Строева! Актриса!

— Ну... да. — Мария вежливо улыбнулась. Она стала уже несколько уставать от своей популярности.

— Я с девушкой в субботу ходил на ваш спектакль. — Водитель оторвал одну руку от руля и смущенно поскреб пальцем в рыжей шевелюре. — Я вот все хочу узнать. А как вы вот в роли свои вживаетесь?

— Иногда очень крепко вживаемся, — вздохнула Мария.

■ — Нет, я не о том. Вот вы играете чувства

на сцене, или вы настолько погружаетесь в образ, что на самом деле эти чувства как будто испытываете?

— О-о, молодой человек, — засмеялась Мария, — тут вам за пять минут и не объяснить всех тонкостей нашего ремесла. Вы лучше откройте Интернет да поищите все о системе Станиславского. А заодно и о системе Михаила Чехова, если заинтересует. Знаете, в жизни даже может помочь. Да еще при вашей работе, когда приходится ежедневно с большим количеством незнакомых людей общаться.

— Да? — Водитель сделал серьезное и даже какое-то озабоченное лицо. — А что это за системы? Тренироваться надо?

— Вы, — Мария поискала на панели машины табличку с именем и фамилией водителя, — Володя, главное, почитайте, а там сами поймете. И остановите мне машину вон возле той дамы в красном!

Дамой в красном была давняя подруга Марии Виола Палеева. Они играли в одном театре уже много лет, и Виола по рождению была не Виолой, а Валентиной. И по мужу, бросившему ее шесть лет назад, она была Кузнецовой. Но по мнению самой Виолы, для актрисы просто неприлично иметь такое имя. Что такое Валентина Кузнецова? Это намек на крестьянское происхождение или непрекращающуюся череду неудач в жизни. Это может

означать только комнату в старой хрущевке (не важно, что в Москве их уже не осталось), неустроенность в личной жизни и полное отсутствие внимания достойных мужчин.

А сочетание Виола Палеева, как значилось во всех афишах и программках, по мнению подруги, возносило ее автоматически на уровень нимф, воздушных созданий, личностей духовных, душевных, творческих и «не от мира сего». Не может быть «от мира сего» Виола Палеева! Она же не какая-то там Валентина Кузнецова. И одевалась Виола так же вызывающе. Хотя, надо было отдать должное, она имела вкус и выглядела стильно всегда, даже когда выезжала с компаниями на пикники. Стиль — вот главное в жизни, говорила Виола не раз Марии и гордо вздергивала головку с острым носиком, пухлыми губками и томными глазками. Ее рука поправляла струящиеся волосы, и все вокруг должны были вздыхать и замирать от восторга.

— Маша! — вспыхнула карими глазами Виола, увидев выходящую из такси подругу. — Ты снова опаздываешь! Как можно в наше время?

— Ну, прости, прости. — Мария церемонно приложилась щекой к щеке подруги, потом ко второй. — Ты же знаешь, что пробки повсюду. Ну, показывай свое сокровище.

Мария к подруге относилась снисходительно. Она скорее забавляла ее своими ма-

нерами и своим стилем жизни. Хотя и в глубине души Виола была женщиной доброй, и подругой она была верной тому, кто дружил с ней искренне.

Виола подхватила Марию под руку и буквально потащила к магазину, непрерывно щебеча и воркуя:

— Ты не представляешь, Мари, что это за чудо. Он стоял в запасниках филиала Пушкинского музея, стоял очень много лет. Я даже не представляю, почему! Это такое чудо! Ты же знаешь, как у нас чиновники могут испортить любую хорошую идею, если им дать волю. Филиал новый, его только-только передали под крыло Пушкинскому, потому что он территориально теперь вошел в границы Москвы. Ты же знаешь, что у нас недавно снова расширили эти границы... Скоро Москва станет шире Московской области! Классная шутка, да? Это мой Вадик откуда-то принес.

Мария слушала и улыбалась болтовне подруги. Виола умела скакать с темы на тему в разговоре и снова возвращаться к изначальной в нужный момент. Она как будто наслаждалась лирическими отступлениями в разговоре. Она вообще жила так, как будто наслаждалась жизнью. Редкое и удивительное качество.

Обширные недра антикварного магазина приняли в себя подруг, окутав их атмосферой

старины, благоговейной тишины и запахами старых гобеленов, мебели, тусклого блеска позолоты и начищенной бронзы. Даже Виола стала говорить чуть тише. Правда, она не упускала возможности осмотреть себя в зеркалах, подбирая животик и расправляя при ходьбе плечики. Мужчина у окна, рассматривавший со своей дамой бюро XIX века, чуть не свернул шею, глядя вслед красному костюмчику Виолы с глубоким вырезом впереди и высоким разрезом сзади, открывавшим ее пухлые бедра.

— Мадам? — Худощавый парень в больших очках с бейджиком продавца магазина, видимо, знал Виолу прекрасно и давно усвоил стиль общения с ней. — Ваш шкаф ждет вас. Я бы сказал, что он скучал!

— Ой, Володя, — Виола грациозно взмахнула кистью, — вы скажете тоже. Ну, проводите же нас к нашему сокровищу!

Мария улыбнулась этому маленькому театрализованному представлению. Что делать, Виола любила и умела устраивать вокруг себя вот такие маленькие спектакли с собой в центре. Она шла за подругой и продавцом Володей среди старинной мебели и предметов интерьера, расставленных на столах, тумбах и просто на полу, если им не было предназначено висеть под потолком.

Шкаф обнаружился в самом дальнем углу торгового зала, возле двери, ведущей в служебное помещение. Сооружение в трех уров-

нях из темного дерева выглядело солидно и несколько тяжеловато. Но, глядя на плавные изгибы формы, сложный рисунок резьбы, обилие архитектурных элементов, в памяти сразу всплывало знакомое когда-то слово «барокко». Шкаф впечатлял. Он был монументален. Он вполне мог вписаться в современный интерьер, стилизованный под европейское барокко. Интересно, подумала Мария, а ведь Виола ни словом не обмолвилась, что собирается делать в квартире ремонт. Не в ее вкусе ставить такие шкафы на фоне флизилиновых обоев и дверей типа «канадка». Темнит что-то подруга! Тем более что этот шкаф, если она не врет и если он и правда из запасников музея, стоять должен как вся ее квартира.

— Вот ваше сокровище, — ловко выхватив из бокового кармана пиджака тонкие хлопчатобумажные перчатки, заявил продавец. — Вы помните наши правила? Пока это экспонат, прикасаться к нему можно только в перчатках.

— Ах, — элегантно взмахнула ручкой Виола, — мне не терпится привезти его домой и трогать там сколько хочется. А здесь...

— А сколько он стоит? — перебила подругу Мария и решительно взяла из руки продавца перчатки. — Если это и правда восемнадцатый век, то стоять он должен очень много.